

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Н89

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Jeff Noon
A MAN OF SHADOWS

First published in the UK and USA by Angry Robot, an imprint
of Watkins Media Limited in 2017.
www.angryrobotbooks.com

Перевод с английского *С.В. Степанца*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения издательства Angry Robot Books, an imprint
of Watkins Media Limited.

Нун, Джефф.
Н89 Человек теней : [роман] / Джефф Нун ; [перевод с англий-
ского С.В. Степанца]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. —
320 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-105392-5

Под неоновым небом Дневного района, где никогда не гаснет свет, а ночь не имеет никаких прав, частный детектив Джон Найквист берется за дело о пропавшем подростке. Из ослепительного Дневного он перемещается в Ночной район, где царит тьма.

Вскоре Найквист начинает подозревать, что его задание странным образом связано с убийствами, ввергшими горожан в пучину ужаса, — с убийствами, совершаемыми невидимкой без лица. В конце концов остается лишь одно место для поиска — Сумерки, таинственное, овеянное легендами пограничье...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-105392-5

© Text Jeff Noon, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ПРОЛОГ

РТУТЬ

В переулке Фаренгейт был рыночный день. По узким проходам между прилавками двигались сотни людей, толкая друг друга в стремлении приобрести различные товары — серебряные столовые приборы, зеркала, сверкающие драгоценности, блески, хрустальные кувшины, фонари любого размера и форм, декоративные осколки цветного стекла, горелки, бусы, безделушки и всевозможные сияющие металлические побрякушки. Содержимое прилавков поблескивало в свете мощных ламп, висевших под низким потолком. Температура воздуха постоянно повышалась, и в помещении царил духота. Покупатели неистово толкались. Плоть против плоти. Кто-то упал в обморок, и его унесли — ничего необычного. Пара уличных музыкантов исполняла новую уличную балладу «Пламя любви», словно пытаясь добавить блеска к и без того яркому дню. Торговцы всю старались перекричать друг друга, расхваливая свой ассортимент: зонтики, солнцезащитные очки, льняные куртки и широкополые шляпы, дезодоранты, духи. Вокруг прилавков часовщиков раздавался постоянный оглушающий шум тиканья, звона и жужжания. В недавнем докладе говорилось, что в городе сейчас работает более двадцати миллионов часов, причем их ежедневно изготавливают, ремонтируют и продают. Люди были одержимы временем. Члены Союза историков города раздавали брошюры, в которых подробно излагалась хронология послед-

них событий. Среди покупателей прошел молодой человек, одетый как Аполлон, Бог Солнца, и при виде его по толпе прокатился громкий крик. Все это происходило в Дневном районе. Другого подобного места не существовало, и граждане гордились тем, что являются частью этого жаркого, залитого светом рая.

Одной из них была Дженни Джеймс. Друзья называли ее Джей Джей. Ей было двадцать шесть лет, она работала репортером «Сигнального огня» — главной газеты города. Замужняя, но пока бездетная, она усердно занималась своей карьерой.

Дженни понятия не имела, что среди шума и суматохи, света и жары истекают последние несколько минут ее жизни.

Рядом с ней был ее муж, Леон. Они выбирали подарок на день рождения ее племянницы и остановились у прилавка с калейдоскопами. Взяв занятную вещицу в руки, Джей Джей подняла ее к глазам. Посмотрев для начала на демонстрационные лампы на самом прилавке, она перевела калейдоскоп на ярко освещенные неоновые вывески и прожекторы, висевшие на потолке. Когда она стала вращать прибор, сломанные бусинки и фрагменты цветного стекла внутри трубки начали переливаться в новые узоры. Поистине гипнотический эффект! Она почувствовала легкую слабость от внезапного опьяняющего взрыва желтого, красного и оранжевого цветов. Дженни навела устройство на новый объект — маленького мальчика, который держал в руках фонарик на батарейках в форме звезды. Он явно гордился своей игрушкой. Фонарик излучал серебристый и голубой призматический свет, сквозь линзу калейдоскопа кажущийся вращающимся колесом из ножей.

Джей Джей ощутила нечто странное. В ее боку вспыхнула острая боль, но не успела она понять, что произошло, как то же случилось со спиной.

На нее напали?

Она не могла понять, что с ней происходит.

Калейдоскоп упал на землю. Она попыталась закричать, но звук застрял в горле. Даже вздохнуть было трудно. Живот обжигало болью, и, положив на него руку, она увидела,

что пальцы измазаны кровью. Она смотрела на кровь, ярко блестящую в свете рыночных ламп. Джей Джей инстинктивно уклонилась, избегая нападения. Но ничего не произошло.

Она рухнула на землю.

Ничего не понимая, ее муж на несколько секунд застыл в недоумении. Затем, наклонившись к жене, увидел кровь и порезы на ее теле и едва мог поверить своим глазам. Ее всю трясло, а одежда покрылась темно-красными пятнами. Она кричала, прося о помощи, и протягивала к нему руки. Он сжал ее пальцы, чувствуя, что держится за самое близкое и дорогое, что у него есть. И вдруг Джей Джей дернулась в последний раз и больше не шевелилась.

Леон понял, его жена умерла. Ощутил это всем своим существом.

Звуки рынка исчезли, ничего больше не существовало. Весь его мир разлетелся вдребезги в этом крошечном месте, где неподвижно лежала любовь его жизни. Он нежно коснулся ее лица, словно надеясь, что это пробудит ее от сна. Но было все так же тихо. И вдруг на соседнем прилавке раздался звон каретных часов, за которым последовали звуки остальных механизмов, и этот шум разорвал пелену тишины, воцарившуюся на рынке.

Стоявшие рядом люди, ахнув, отошли на шаг или два. Тревожно вскрикнула пожилая женщина. Перепуганный маленький мальчик с фонариком обхватил за ноги отца.

По толпе шепотом покатилося слово:

Ртуть. Ртуть.

И затем громче, от человека к человеку, передаваясь с ужасом.

Ртуть. Ртуть. Ртуть...

Вскрытие выявило пять колотых ран на теле жертвы. Однако среди сотен опрошенных полиции не удалось найти никого, кто заметил бы хоть что-то необычное. Леон Джеймс смог сказать лишь, что сначала его жена Дженнифер была жива и здорова и радостно смеялась рядом с ним, а уже в следующую секунду лежала на земле, истекая кровью. Никто не видел, как на нее напали. Никто не видел

Джефф Нун

того, кто это сделал. Оружия тоже не нашли: лишь нанесенные раны говорили о том, что оно действительно было. Здесь, в этом городе, залитом ослепительным светом, где не было места теням и темноте, убийца нанес удар посреди оживленной толпы и мгновенно исчез. Это казалось невозможным, но такое уже случалось. Ртуть, Ртуть! Страшное слово разносилось по улицам, и новости быстро распространялись среди горожан. Еще одна жертва, еще одно убийство.

Городские часы продолжали идти как ни в чем не бывало.

ЧАСТЬ 1

ДНЕВНОЙ РАЙОН

Станция Утро

Найквист сошел с поезда. Его попутчики либо откровенно разглядывали его, либо старались избегать, торопясь по платформе, оставив его там одного — человека в измятом синем костюме и шляпе набекрень. Он вдохнул дым, струящийся от парового двигателя. На небе ярко светило солнце, и этот свет казался еще интенсивнее за счет стеклянных панелей крыши вокзала. Неподалеку группа рабочих мыла вагоны водой из шлангов, создавая эффект радуги, когда на воду падал свет лучей. Это море словно искрилось и плясало. Подойдя к турникету, Найквист почувствовал, что ему жарко. Давненько уже он не выходил на дневной свет! Сказать точнее было трудно, как и подсчитать дни и ночи из-за его образа жизни, характера работы и режима этого города. Было легко запутаться.

Из ближайшего динамика прозвучал мягкий механический голос:

— По прибытии в Дневной район, пожалуйста, убедитесь, что приняты все необходимые меры предосторожности. Искренне надеемся, что вы...

Найквист слышал это уже много раз. Он шел вперед, остановившись только затем, чтобы посмотреть на большие часы на центральном куполе главного зала. Было тридцать пять минут девятого. Его наручные часы показывали восемь двадцать две — отставали на тринадцать минут. По

телу пробежала легкая дрожь, прежде чем Найквист принялся настраивать часы. Но выполнив это простое действие, он почувствовал себя лучше. Все. Порядок.

Многие люди вокруг делали то же самое, переводя свои часы на время вокзала: это походило на ритуал — тысячи пальцев, вращающих тысячи заводных головок на тысячах циферблатов одновременно.

В мужском туалете Найквист привел себя в порядок. Глядя в зеркало, он прижал пальцами ярко-фиолетовый синяк на лице, оттянув кожу к разрезу. Хотел было заклеить его лейкопластырем, но передумал. Эта отметина была единственным, что он мог показать, — единственным вознаграждением, что он получил. Он вернулся в зал и купил в ларьке кофе «три в одном», большую часть которого выпил еще до того, как добрался до автостоянки за вокзалом. Ему потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, где он оставил свой автомобиль. Под стеклоочистителем торчала квитанция на просроченную стоянку. Он сорвал ее и бросил на заднее сиденье вместе с пиджаком и шляпой. Машина раскалилась будто печь, и даже прохладный воздух из включенного кондиционера не приносил никакого облегчения. Увы, старая модель нуждалась в ремонте, а еще лучше в замене. Найквист почувствовал боль в ребрах, прижавших на себя удары.

И становилось все хуже — что днем, что ночью.

Спертый воздух в салоне понемногу развеивался. Найквист взглянул на приборную панель: циферблат показывал шестнадцать минут второго. Он застонал, недоумевая, почему сбилось время. Снова посмотрев на наручные часы, он изменил время на приборной панели. Без семи минут девять. Так-то лучше. Все синхронно. Пора начинать день. У него была еще одна работа, связанная с поисками пропавшего подростка. Оставалось надеяться, что все в конце концов уладится. Члены ее семьи сказали ему, что девушка в последнее время ужасно боялась темноты. Ну да, их было много, этих больных, и Дневной район служил для них подходящим местом.

Найквист выехал с вокзальной стоянки.

Комната 347

Яркий и живой свет солнца резал глаза так, что на него было больно смотреть. Найквист медленно вел машину по грунтовой дороге. По радио одна за другой звучали новейшие дневные мелодии — все основные аккорды и яркие сладкие напевы и лирические мотивы о том, как в нашей любви однажды засияет свет Аполлона в один прекрасный день, в один чудесный день без сновидений.

Впереди возник старый отель.

По правде говоря, по пути ему следовало бы заглянуть в свой офис, но сама мысль об этом одиноком месте казалась невыносимой: унылые сообщения, неоплаченные счета и дряхлый потолочный вентилятор с дыркой от пули в одной из лопастей. Подзаработать денег было важнее. Поэтому он провел последние пару часов, делая звонки, налаживая контакты и проверяя все известные укрытия в надежде, что это поможет отыскать девушку. Он отводил глаза от всех часов, которые встречались на улицах, пытаясь следовать своему личному графику. Но все усилия были напрасны, пока он не увидел компанию молодых людей, околачивающихся возле входа в магазин, где продавались лампы. Один из них, Рикардо, сказал, что где-то видел девушку с фотографии, но добавил, что не уверен: «Может, да, а может, и нет». Глаза мальчишки прятались за фиолетовыми линзами плавательных очков, а белые зубы четко выделялись на фоне смуглой кожи. Деньги переходили из рук в руки в обмен на информацию. И вот Найквист двинулся дальше, на север — туда, где находился Выжиг, Одиннадцатый участок. Это был трущобный квартал, расположенный на дальней окраине города, один из самых горячих и ярких в Дневном районе, и страх перед темнотой часто заставлял людей укрываться здесь.

Припарковав машину, Найквист вышел и посмотрел на обшарпанный отель. Прежняя вывеска была закрыта большим белым плакатом с новым названием этого места. На нем красной краской было написано одно слово: «РАЗ-

ВЛЕЧЕНИЯ». Найквист поправил солнцезащитные очки и надел шляпу. По обе стороны отеля сплетались лабиринты проходов и дворов — торговые точки, автосалоны, мастерские, ломбарды. Все они обанкротились, помещения были давно заброшены и захвачены более бедными, более стойкими и менее боязливymi жителями. Многие разбивали между низкими зданиями палатки. К яркому свету низкого неба поднимались клубы дыма, указывающие на местонахождение новых племен солнца. Улицу покрывала пыль, и целое ее облако уже собралось над его машиной. Сделав всего несколько шагов, Найквист ощутил боль в легких. В его глазах искрились и плыли цвета, а все тело покалывало, будто от крошечных электрических разрядов. Он вспотел — было жарко и неудобно. Рубашка прилипла к телу, словно второй слой кожи.

На ступеньках бывшего отеля сидела группа детей, занятых игрой, которая заключалась в том, что каждый пытался дольше всех абсолютно ничего не делать. Он бросил им монету. Дети посмотрели на то место, куда она упала. На выгоревшей земле маняще искрилась латунь. Детские рты широко распахнулись, глаза замерцали в тени козырьков кепок. Но ни один не сдвинулся с места.

Найквист протолкнулся через вращающуюся дверь. Будучи человеком крупного телосложения, он также имел определенную особенность черт лица, некую необработанность, создававшую впечатление, что он не совсем закончен, и это немного пугало. Он через многое прошел, это точно, и вы могли бы подумать, что этот человек более чем способен совладать с собой. Пока не подойдете близко, совсем близко — лишь тогда, может быть, заметите в его глазах нечто иное: неопределенность или одиночество. Но чтобы взглянуть, для начала нужно приблизиться. А это непросто.

В старом отеле было лишь немногим прохладнее, чем на улице. Несколько лет назад он уже заходил сюда по другому делу. Тогда эта главная комната служила баром-салонem полуприличного заведения, где за полированными столами восседали всякие управленцы средних лет. Теперь всего этого не было: мебель выбросили, бар в центре превратился

в стойку для еды и напитков, все пространство заняли сотни игровых автоматов. В помещение мерцали всевозможные цвета, и каждый яркий оттенок, казалось, обволакивал тело Найквиста, пока тот двигался по главному проходу. Галерея была заполнена игроками. В воздухе стоял запах алкоголя, и чувствовалась высокая влажность. Звуки, доносившиеся из автоматов, походили на те, что бывают при погружении в холодную воду множества горячих предметов. Из точки в точку со свистом пролетали серебряные шарики. Доносились обрывки песен. От всего этого плыло в глазах: жара, шум, музыка, автоматы и дети, дергающие рычаги, и яркий свет, пульсирующий между ними. На экранах с сумасшедшей скоростью сменялись изображения космических кораблей, призраков, гоночных автомобилей и тигров.

На дальней стене висел большой механический календарь — еще одно напоминание о былой славе отеля. На экране был указан 1959 год. Это озадачило Найквиста — сам он считал, что на дворе еще 1958-й. Он взглянул на часы над календарем: те показывали ровно половину шестого. Его передернуло от раздражения. Внезапно он потерял контроль над собой. Соппротивление бесполезно: пальцы сами собой приблизились к наручным часам и принялись поворачивать головку, пока время не совпало со временем игорного зала.

Немного успокоившись, он двинулся дальше, по пути изучая клиентов. Игроки были либо местными, старшими детьми из семей, переехавших сюда, либо просто юношами и девушками среднего класса, желавшими весело провести пару часов в опасной зоне. Некоторые имели вид давних фанатиков дневного света: обесцвеченные волосы, шелушащаяся кожа, подернутые пеленой глаза. Двигались только их руки: трепыхаясь, как пойманные в ловушку птицы, они нажимали кнопки или лихорадочно тянули рычаги «одноруких бандитов». Найквист свернул в другой проход, настороженно глядя по сторонам. Квартал Выжиг был известен своим беззаботным отношением к незаконной деятельности, и он не сомневался, что это место получало свою

долю чистогана. Тем не менее порядок поддерживали всего два охранника — хорошо сложенные молодчики, ненамного старше самих игроков. В свои тридцать с небольшим Найквист был едва ли не самым старым в этом помещении.

Рикардо сказал ему, как называется это место, добавив, что ему следует искать молодого человека по имени Майлз — с жирными волосами, высокого и худого, со следами ожога на лице. За пинбольным автоматом в одиночестве стоял как раз такой парень. Найквист подошел к нему, попытался привлечь внимание, но игрок не отводил взгляда от автомата, его пальцы непрерывно нажимали на кнопки, гоняя туда-сюда серебряные шарики. Автомат громко звенел и дребезжал.

Найквист взглянул в сторону охранников, а затем по очереди отодвинул руки Майлза от кнопок. Парень легко позволил ему это сделать — сыщик словно поменял позу манекена. Похоже, в его теле не осталось ни одной мышцы. Игра закончилась. Майлз несколько раз моргнул. Его пальцы нервно дрожали. Найквист сказал ему, зачем он здесь, и вложил несколько купюр во влажную ладонь. При виде денег глаза игрока блеснули — теперь он мог сыграть еще пару раз. Он склонился к Найквисту и прошептал ему на ухо простое трехзначное число.

— Уверен? — спросил Найквист, показывая фотографию девушки.

Майлз улыбнулся и, пожав плечами, вернулся к своему любимому автомату. Его лицо вновь засияло от азарта.

Этого было достаточно. Теперь он знал номер комнаты. Найквист направился к лифтам в задней части галереи. В этот момент его заметил один из охранников, так что он прошел мимо дверей лифта туда, где было наибольшее скопление игроков в пинбол. Склонившись над автоматом, он вытащил вилку из розетки и пошел дальше. Ребятишки начали материться на все заведение. Один из игроков раз за разом лупил кулаком по стеклянной поверхности автомата, а остальные подбадривали его. Они попытались продолжить игру, но завязалась драка. Найквист оглянулся и увидел, что к месту потасовки спешат охранники. Под-

нявшись по лестнице на третий этаж, он оказался в длинном пустынном коридоре. Он устал и запыхался. Стены были покрыты склизкой зеленой плесенью. Из электрощита, закрепленного на стене, торчали потрепанные зубчатые зажимы и провода — оттуда во все стороны летели искры. Далее по коридору из вентиляционного отверстия вниз по стене стекали потоки белой жидкости. Найквист достал льняной платок, чтобы вытереть лоб.

По спине пробежали мурашки. Ему не нравилась атмосфера этого заброшенного отеля. Проходя мимо открытых дверей, он видел, что большинство комнат пустуют. Казалось, будто он разглядывает разбитые театральные декорации, где когда-то разыгрывались отчаянные сцены бесцельной жизни. Ничего из того времени не осталось, кроме мебели и некоторых пустяковин, покрытых густым слоем пыли. Номера на почти развалившихся дверях с вырванными замками были практически незаметны. Комната 347 находилась в дальней части коридора — одна из немногих с закрытой, все еще неповрежденной дверью. На коврике перед ней стоял поднос с недоеденной пищей. Изнутри доносились голоса — они что-то монотонно напевали. Остановившись, Найквист попробовал открыть дверь. Заперто. Он постучал кулаком по створке.

— Впустите меня.

Тишина. Он постучал снова, уже сильнее.

— Открывайте, ну же.

Послышалось шарканье ног и звук разбитого стекла. Найквист задумался. У него не было возможности узнать, сколько людей в комнате и насколько дружественны их намерения. Последнее время появилось много религиозных сект, особенно на окраинах города, и люди рассказывали, что детей удерживают там против их воли. Сняв солнцезащитные очки и отступив на шаг, он ударил в дверь ногой. И еще раз. Дверь начала поддаваться, а после третьего удара с треском распахнулась, и он быстро вошел в комнату. Найквист как будто шагнул в огонь. Перед его взором вспыхнул ослепительный блеск золота и серебра, с красными брызгами. В глазах зарябило, и они непроизвольно